

БЛОК 6 ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

15.3 Как Вы понимаете значение словосочетания **ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ**? Сформулируйте и прокомментируйте данное Вами определение. Напишите сочинение-рассуждение на тему **«Что такое жизненные ценности»**.

Текст 6.1

(1) Меня ждали шестнадцать лет... (2) Ужасно быть поздним ребёнком! (3) Я стал драгоценным подарком, как чашка, которая, нарядная и чистая, стоит за стеклом, но из которой никогда не пьют чай. (4) Позднего ребёнка ждут не дождутся и, когда наконец дожидаются, начинают проявлять к нему такую любовь, такое внимание, что ему хочется сбежать на край света.

(5) Говоря по-честному, гордостью нашей семьи должна быть сестра Людмила: она кандидат наук, работает в архитектурной мастерской. (6) А гордятся все в доме мной. (7) Это несправедливо.

(8) Чтобы замаскировать эту несправедливость, отец хвалит меня как бы в шутку. (9) Даже за тройки, принесённые из школы, меня не ругают.

– (10) Вот ведь способный какой, а! (11) Совсем вчера не учил уроков, у телевизора сидел, а на тройку ответил!

(12) Частенько отец просит меня напомнить ему содержание кинокартины или книги, которую мы оба читали.

– (13) Какая диковинная память, а! – радостно говорит он. – (14) Всё помнит, будто вчера читал... (15) А я вот всё позабыл, всё перепутал!

(16) Мне кажется, отец просто счастлив, что он всё забывает и путает.

(17) На следующий день, после того как я смазал по физиономии Костику, отец сказал:

– (18) Драться, конечно, нехорошо. (19) А всё-таки смелый какой, а! (20) Ниже на две головы, а пошёл в наступление, решился! (21) Такой в огне не сгорит и в воде не утонет!

(22) Вот до чего доводит любовь!

(23) А мне вовсе не нравится, что дома меня все восхваляют. (24) Трудно разве ответить на тройку? (25) Или запомнить содержание книги? (26) Кретин я, что ли, какой? (27) И почему надо особенно радоваться, что я «на целых две головы» ниже Костика? (28) Хотя на самом деле всего на полголовы.

(29) Отец и мама, мне кажется, очень довольны, что я невысокий. (30) Они-то ведь ждали ребёнка и хотят, чтоб я на всю жизнь им остался. (31) Но я не хочу!

(32) Как-то я услышал по радио, что, если в семье несколько детей, нехорошо одного из них выделять. (33) Я сказал об этом родителям.

– (34) Другой бы гордился, что его выделяют, а этот думает о сестре. (35) Какой добрый, а! – воскликнул отец.

– (36) Значит, любовь и забота не сделали тебя эгоистом, – заключила мама. – (37) Мы очень рады.

(38) Вот вам и всё! (39) Они очень рады. (40) А я?..

(По А.А. Алексину)*

** Алексин Анатолий Георгиевич (род. в 1924 г.) – писатель, драматург. Его произведения, такие как «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Третий в пятом ряду» и др., повествуют главным образом о мире юности.*

Текст 6.2

(1) Софья, Лена и Катя были неразлучны с детского сада. (2) Вместе пошли в школу и вместе её закончили: Софья и Лена – безупречными гламурочками с натянутыми «за красивые глаза» тройками по физике и математике, Катя – с золотой медалью, добрым десятком кило лишнего веса и неистребимым стремлением во всём походить на своих стильных подружек. (3) А потом, всё так же вместе, поступили в университет, только на разные специальности. (4) У Лены и Софьи был целый табун поклонников и приличные шансы на звёздную карьеру в модельном бизнесе, так что ходили

они на лекции исключительно для демонстрации новых нарядов. (5)Катя им твердила, что их наверняка отчислят, если они не займутся учёбой, но подруги только смеялись ей в ответ.

(6)Но однажды Софье приснилось, что они стали куклами в игрушечном отделе «Детского мира». (7)На Катю был наклеен ценник с весьма скромной суммой – под стать её неказистому внешнему виду, за Софью и Леночку просили куда больше.

(8)Так они и стали теперь жить – по-королевски наряженными пленницами стеклянных витрин и искусно раскрашенных целлулоидных коробок.

(9)И в один прекрасный день их купили в подарок девочке Маше.

(10)Ночью, когда их новая хозяйка заснула, Лена и Софья стали обсуждать свою новую жизнь.

– (11)Знаешь, Лен, – сказала Софья, – мы привыкли считать самым главным внешность и наряды – и теперь мы куклы. (12)Наверное, это даже правильно.

– (13)А Катя? – робко спрашивает Лена.

– (14)Катя никогда и не была такой, как мы. (15)Она интересовалась тряпками, но лишь потому, что мы с тобой без них жить не могли. (16)Ты видишь, как девочка любит Катю: она её из рук почти не выпускает, и ложится спать, и ест вместе с ней, а мы с тобой день и ночь скучаем на тумбочке. (17)И знаешь что, Лен? (18)Мне, конечно, очень хочется быть на её месте. (19)Но раз уж это невозможно, пусть хотя бы у Кати будет всё хорошо.

(20)Подруги молча смотрят на кровать.

(21)Машенька сопит в обнимку с куклой, часы неумолимо режут вечность на ломтики.

(22)Елена и Софья не замечают, что лежащая на подушке Катя изо всех сил пытается приподнять руку, и ей наконец это удаётся. (23)Она неловко отводит с лица девочки непослушную прядь, нежно гладит её по щеке и что-то шепчет в аккуратное ушко.

(24)Девочка вздрагивает, приоткрывает один глаз и, не глядя, сгребает всех кукол с тумбочки.

(25)Уютно устроившись в коконе из одеял, Лена и Соня мгновенно засыпают в тёплом кольце хозяйских рук, и им снится первый за эту жизнь сон. (26)Им снится, что их любят – не за что-то, а просто потому, что они есть.

(По И.А. Клеандровой)*

* **Клеандрова Ирина Александровна** (род. в 1981 г.) – современная российская писательница.

Текст 6.3

(1)Как-то в начале июня зашёл к Поликарповне человек и попросил сдать комнату на лето.

(2)Он, не торгуясь, заплатил тридцать рублей.

(3)Звали его Трифоном Петровичем. (4)Он был какой-то уютный, весёлый и простой человек, и хозяйка с первого же дня привыкла к нему, как к своему.

(5)Один раз, походив около бревенчатого домика, Трифон Петрович сказал, потирая руки:

– (6)Дай-ка я поправлю тебе, бабушка, крыльцо.

– (7)Спасибо, родимый, – сказала Поликарповна, – только чудно мне что-то: пришёл, снял комнату, даже не поторговался, а теперь ты крыльцом моим занимаешься, будто и не чужие мы люди.

– (8)А что ж, Поликарповна, неужто всё только на деньги считать?

(9)Я вот тебе поправлю, а ты потом вспомнишь обо мне добрым словом, вот мы, как говорится, и квиты, – сказал он и засмеялся.

– (10)Теперь, милый, такой народ пошёл, что задаром никто рукой не пошевелит. (11)О душе теперь не думают, только для брюха и живут. (12)Да смотрят, как бы что друг у дружки из рук вырвать, как бы выгоду свою не упустить.

– (13)Ну, нам с тобой делить нечего, – отвечал Трифон Петрович, улыбаясь.

– (14)Прямо с тобой душа отошла, – говорила Поликарповна, – а то уж в людей вера пропадать стала.

– (15)Вера в человека – это самая большая вещь, – отзывался Трифон Петрович. – (16)Когда эта вера пропадёт, тогда жить нельзя.

(17)Один раз вернулся Трифон Петрович из города весёлый и сказал:

– (18)Я там в городе всем порассказал, как тут у вас хорошо: теперь хозяйки не отобьются от постояльцев, у меня рука лёгкая.

(19)Начиная с воскресенья в деревню стали приезжать всё новые и новые дачники. (20)Хозяйка охватила лихорадка наживы, и цены поднялись втрое, а так как народ всё ехал, то стали уж хапать без всякой совести.

(21)Как-то зашла к Поликарповне соседка. (22)За разговором невзначай поинтересовалась, за сколько та сдаёт жильё, а услышав ответ, удивлённо раскрыла глаза:

– (23)Да ты, бабка, спятила совсем! (24)У меня есть один, он у тебя с руками за сто оторвёт. (25)Теперь по полтора ста берут, по двести!

– (26)Как по двести?.. – спросила едва слышным голосом Поликарповна. (27)У неё почему-то пропал вдруг голос. – (28)Да ведь раньше все дешёво брали...

– (29)Мало что раньше! (30)Тогда народу совсем не было, а теперь от него отбоя нет. (31)Вот что я тебе скажу: из-за чужого человека ты хорошую цену упускаешь, ежели ты его не выставишь, потом ты горько пожалеешь! (32)Ну что, договариваться с новым постояльцем?

(33)Старушка горестно, озабоченно смотрела в сторону, прищурив глаза, потом изменившимся голосом торопливо проговорила:

– (34)Решено! (35)Договаривайся...

(По П.С. Романову)*

** Романов Пантелеймон Сергеевич (1884–1938) – русский писатель. Прозе Романова свойственны лиризм и юмор, мастерство диалога, ясный, реалистический язык.*

Текст 6.4

(1)По дому плавали запахи и крики. (2)Надежда накрывала стол и ругалась с Оксаной, которая находилась в ванной и отвечала через стену. (3)Слов не было слышно, но Корольков улавливал смысл конфликта. (4)Конфликт состоял в том, что Надежда хотела сидеть за столом вместе с молодёжью, а Оксана именно этого не хотела и приводила в пример других матерей, которые не только не сидят за столом, но даже уходят из дома. (5)Надежда кричала, что она потратила неделю на приготовление праздничного стола и всю прошлую жизнь на воспитание Оксаны и не намерена сидеть на кухне, как прислуга. (6)Корольков лежал у себя в комнате на диване и думал о том, что Оксана не умеет разговаривать с матерью, а Надежда – с дочерью. (7)Она командует, унижая её. (8)И они зажигаются друг о друга, как спичка о коробок. (9)Корольков знал по себе: от него тоже можно чего-то добиться только лестью. (10)Лесть как бы приподнимала его возможности, и он стремился поднять себя до этого нового и приятного ему предела.

(11)Отворилась дверь, и вошла Оксана в длинной новой кофте в стиле «ретро», или, как она называла, «ретрухи».

– (12)Пап, ну скажи ей, – громко пожаловалась Оксана. – (13)Чего она мне нервы мотает?

– (14)Как ты разговариваешь с матерью? – одёрнул Корольков.

– (15)Ну, пап. (16)Ну, чего она сядет с нами? (17)Я всё время буду в напряжёнке. (18)Она вечно что-нибудь ляпнет, и всем неудобно...

– (19)Что значит «ляпнет»?

– (20)Ну, не ляпнет. (21)Произнесёт тост за мир во всём мире. (22)Или начнёт обращать на меня внимание... (23)Или начнёт всем накладывать на тарелки, как будто голод...

– (24)Довольно-таки противно тебя слушать, – объявил Корольков. – (25)Ты говоришь, как законченная эгоистка.

– (26)Но ведь мой день рождения. (27)Мне же шестнадцать лет. (28)Почему в этот день нельзя сделать так, как я хочу?

(29)Корольков посмотрел с тоской на её чистенькое новенькое личико с новенькими ярко-белыми зубами и подумал, что её перелюбили в детстве и теперь придётся жать то, что посеяли. (30)Он понимал, что нужен был дочери не тогда, когда носил её на руках и посещал в оздоровительном детском лагере. (31)А именно теперь, в шестнадцать лет, когда закладывается фундамент всей дальнейшей жизни. (32)И не амбулаторно, как говорят врачи, – пришёл, ушёл. (33)А

стационарно. (34)Каждый день. (35)Чтобы не пропустить возможных осложнений. (36)А осложнения, как он понимал, неизбежны.

(37)Позвонили в дверь. (38)Оксану как ветром сдуло вместе с её неудовольствием, и через секунду послышался её голос – тугой и звонкий, как струя, пущенная под напором. (39)С ней было всё в порядке. (40)Впереди праздник, и жизнь – как праздник. (По В. Токаревой)*

** Токарева Виктория Самойловна (род. в 1937 г.) – современный российский прозаик и сценарист.*

Текст 6.5

(1)В командировки мама и отец ездили очень часто: они вместе проектировали заводы, которые строились где-то очень далеко от нашего города. (2)Я оставался с бабушкой – маминной мамой.

(3)В неблагополучных семьях родители, уехав из дому, вообще не присылают писем, в благополучных пишут примерно раз или два в неделю – мы с бабушкой получали письма каждый день. (4)Мои родители соблюдали строгую очерёдность: одно письмо – от отца, другое – от мамы. (5)Порядок ни разу не нарушился. (6)В конце письма неизменно стояла дата, а чуть пониже было написано: «8 часов утра». (7)Значит, отец и мама писали после своей утренней пробежки и перед работой.

– (8)Фантастика! – сказала однажды бабушка. – (9)Хоть бы раз перепутали очередь!..

(10)Я не мог понять: восторгается она моими родителями или в чём-то их упрекает? (11)Это было отличительной бабушкиной чертой: по её тону часто нельзя было определить, шутит она или говорит всерьёз, хвалит или высмеивает. (12)Я-то восхищался ими, поскольку мы часто восхищаемся поступками, на которые сами не способны.

(13)Конечно, бабушка была счастлива за свою дочь, гордилась её мужем, то есть моим отцом, но она, как и я, редко следовала тем правилам, к которым нас с ней стремились приучить.

(14)Например, мама и отец старались закалить нас. (15)Но мы с бабушкой не желали обливаться ледяной водой и вставать по воскресеньям ещё раньше, чем в будни, чтобы идти на лыжах или в поход. (16)Мы сознавали, что нечётко делаем гимнастику.

(17)Вообще, мои родители то и дело обвиняли нас обоих в нечёткости: мы нечётко сообщали, кто и когда звонил маме или отцу по телефону, нечётко соблюдали режим дня.

(18)Проводив маму с отцом в очередную командировку, мы с бабушкой тут же, как заговорщики, собирались на экстренный совет. (19)Невысокая, сухонькая, с коротко подстриженными волосами, бабушка напоминала озорного мальчишку. (20)А этот мальчишка, как говорили, сильно смахивал на меня. (21)И не только внешне.

– (22)Ну-с, сколько денег откладываем на кино? – спрашивала бабушка.

– (23)Побольше! – говорил я.

(24)И бабушка, любившая ходить в кино, как и я, откладывала побольше, а деньги потом сэкономились на обедах.

(25)По мнению родителей, мы с бабушкой поступали неразумно и были неправильными людьми, и это нас объединяло. (По А.А. Алексину)*

** Алексин Анатолий Георгиевич (род. в 1924 г.) – писатель, драматург. Его произведения, такие как «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Третий в пятом ряду» и др., повествуют главным образом о мире юности.*

Текст 6.6

(1)В дверь позвонили. (2)Из прихожей донеслись оживлённые голоса и смех. (3)Появились гости. (4)Солидные, хорошо одетые люди здоровались с хозяевами, подходили к столу, накладывали в тарелки закуску. (5)Дамы располагались в удобных мягких креслах; мужчины, образовав группки, беседовали друг с другом. (6)Семён Петрович поднял меня с места и представил гостям:

– (7)Вот Иван, самый большой оригинал из всех друзей моей дочери.

(8)Неожиданно попав в центр внимания, я был сильно смущён и, кажется, покраснел. (9)Гости заулыбались, с любопытством оглядывая меня, словно ожидая, что я немедленно докажу справедливость слов профессора.

(10)Он хлопнул меня по плечу:

– (11)Да, молодёжь нынче любопытная. (12)С ней надо говорить, надо общаться!

(13)Одна интересная дама повернулась ко мне:

– (14)Вот скажите мне, Ваня. (15)У меня дочь пятнадцати лет, и она целыми днями слушает какой-то визг. (16)У нас роскошная библиотека, большая, с редкими книгами, но она ничегошеньки не хочет. (17)Придёт из школы, кое-как уроки сделает, включит магнитофон и слушает до вечера.

– (18)Это у них называется «балдеет», – радостно сообщил один из гостей.

– (19)Дух противоречия, – убеждённо сказал другой.

– (20)А по-моему, – заявил подтянутый мужчина, – всё дело в избалованности. (21)Нынешние молодые люди живут как-то слишком легко, без трудностей.

– (22)О-о, это старая песня, – засмеялась дама. – (23)Получается, что если нам было тяжело, то пусть и им будет так же? (24)Глупо!

– (25)Наверное, глупо, – согласился подтянутый. (26)Он хотел что-то добавить, но замешкался.

(27)Семён Петрович решил переменить тему:

– (28)Я надеюсь, что вы не будете против, если моя дочь что-нибудь споёт?

– (29)Это будет прекрасно, – томно сказала пожилая дама.

(30)Семён Петрович повернулся к Кате, не замечая её угрюмого взгляда:

– (31)Катюша, давай-ка «Соловья» алябьевского...

– (32)Значит, «Соловья»? – спросила Катя.

(33)Она мягко коснулась пальцами клавиш – нежно зазвучало вступление. (34)Катя запела тоненьким голоском:

– (35)Соловей мой, соловей,

Чтоб ты сдох, Бармалей!..

– (36)Что? – растерянно пробормотала мама.

(37)Катя перестала играть и повернула к нам разгорячённое лицо:

– (38)Я этого «Соловья» с пяти лет пою. (39)К нам гости – тут я со своим «Соловьём»! (40)Я, если б он мне попался, этот соловей, его на медленном огне изжарила бы!..

(41)Оторопевшие гости не могли вымолвить ни слова. (По К.Г. Шахназарову)*

* **Шахназаров Карен Георгиевич** (род. в 1952 г.) – советский и российский кинорежиссёр, сценарист, продюсер.

Текст 6.7

(1)Закрываю глаза и вижу мой переулок. (2)Первый Тружеников. (3)Двухэтажный деревянный дом, в котором я прожила первые десять лет своей жизни. (4)Никогда не вижу его летом, только зимой.

(5)Чувствую запах снега, слизываю его со своей пёстрой варежки.

(6)Последней дошкольной зимой меня отдали в «группу» – так называли детей, которые по утрам гуляли в сквере с «интеллигентной» воспитательницей. (7)«Группа» оказалась идеальным способом победить мою застенчивость.

(8)Дед привёл меня в сквер как полагалось: к десяти. (9)Воспитательница, худенькая дама из «бывших», сказала, что я похожа на Мальвину, а саму её зовут Вера Григорьевна.

(10)Убедившись, что дети «интеллигентные», а уж про Веру Григорьевну и говорить нечего, дед двинулся по направлению к главной аллее, ведущей из сквера на улицу (мы гуляли на маленькой, боковой!).

(11)Я зарыдала и бросилась его догонять. (12)Вера Григорьевна бросилась за мной, интеллигентные дети побросали свои лопатки и бросились за Верой Григорьевной.

(13)Я первая добежала до деда и, ослепнув от горя, уткнулась в карман его тяжёлого добротного пальто.

(14)Дед сдался: звук моих рыданий, без сомнения, действовал безотказно.

(15)Стряхнув снег с массивной лавочки с ажурными, утопающими в сугробе лапами, он твёрдо уселся на неё, поднял воротник и замер наподобие статуи.

(16)Мы с Верой Григорьевной и растерянными детьми вернулись на свою боковую аллею. (17)Я успокоилась: широкая спина с поднятым каракулевым воротником была на расстоянии десяти метров от моих глаз.

(18)Водить хоровод вокруг огромного дуплистого дуба и лепить из снега «куличики», стараясь, чтобы они были не хуже, чем у остальных детей, оказалось гораздо веселее, чем гулять за руку с бабушкой, как я делала до этого. (19)Каждые десять минут я отрывалась от своего веселья и проверяла, на месте ли неподвижная спина, слегка занесённая медленным снегом. (20)Спина была тут и не двигалась. (21)Один, впрочем, раз её не оказалось, и я уже приготовилась зарыдать, но сразу же и успокоилась: дед никуда не ушёл.

(22)Окоченев, он подпрыгивал рядом с лавочкой и растирал ладонями побелевшие щеки.

(23)Ровно в час гулянье закончилось, и, взявшись за руки, мы с дедом пошли домой.

(24)Деревья стояли стеклянные от мороза, и нежный голубоватый печной дым поднимался из труб.

– (25)Не замёрзла? – спросил меня дед.

(26)Я отрицательно покачала головой. (27)Новые впечатления переполняли меня.

(28)Зима была долгой, холодной и снежной. (29)Каждое утро с десяти до часу я гуляла в «группе», а дед сидел на лавочке с ажурными, утопающими в снегу лапами.

(30)Откуда же мне, шестилетней, было знать, что значит сидеть неподвижно и мёрзнуть во имя любви?

(По И. Муравьёвой)*

* *Муравьёва Ирина Лазаревна – современная писательница, лауреат литературных премий.*

Текст 6.8

(1)Туман ещё не рассеялся; в нём гасли очертания огромного корабля, медленно поворачивающегося к устью реки. (2)Его свёрнутые паруса ожили, свисая фестонами, расправляясь и покрывая мачты бессильными щитами огромных складок; слышались голоса и шаги. (3)Береговой ветер, пробуя дуть, лениво теребил паруса. (4)Наконец, тепло солнца произвело нужный эффект; воздушный напор усилился, легко рассеял туман и вылился по реям в алые формы, полные роз. (5)Розовые тени скользи-

ли по белизне мачт и снастей, всё было белым, кроме раскинутых, плавно двинутых парусов цвета глубокой радости.

(6)Пока «Секрет» шёл руслом реки, Грэй стоял у штурвала, не доверяя руля матросу, — он боялся мели. (7)Рулевой сидел рядом и по-прежнему не чувствовал никакой связи между алым убранством и прямой целью Грэя.

— (8)Теперь, — сказал Грэй, — когда мои паруса рдеют, ветер хорош, а в сердце моём больше счастья, чем у слона при виде небольшой булочки, я попытаюсь настроить вас своими мыслями, как обещал в Лиссе. (9)Заметьте, я не считаю вас глупым или упрямым, нет; вы образцовый моряк, а это много стоит. (10)Но вы, как и большинство, слушаете голоса всех нехитрых истин сквозь толстое стекло жизни. (11)Они кричат, но вы не услышите. (12)Я делаю то, что существует, как старинное представление о прекрасном несбыточном, и что, по существу, так же возможно, как загородная прогулка. (13)Скоро вы увидите девушку Ассоль, которая не может, не должна иначе выйти замуж, как только таким способом, какой развиваю я на ваших глазах: за ней приплывёт возлюбленный на корабле с алыми парусами. (14)Такое предсказание в детстве она услышала от волшебника Эгля.

(15)Вы видите, как тесно сплетены здесь судьба, воля и свойство характеров. (16)Я прихожу к той, которая ждёт и может ждать только меня, я же не хочу никого другого, кроме неё, может быть, именно потому, что благодаря Ассоль я понял одну нехитрую истину. (17)Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками. (18)Когда для человека главное — получать draжайший пятак, легко дать этот пятак, но, когда душа таит зерно пламенного растения — чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии. (19)Новая душа будет у него и новая — у тебя. (20)Когда начальник тюрьмы сам выпустит заключённого, когда миллиардер подарит писцу виллу, опереточную певицу и сейф, а жокей хоть раз попридержит лошадь ради другого невезучего коня, тогда все поймут, как это приятно, как невыразимо чудесно. (21)Но есть не меньшие чудеса: улыбка, веселье, прощение, и — во-время сказанное, нужное слово. (22)Владеть этим — значит владеть всем. (23)Что до меня, то наше начало — моё и Ассоль — останется нам навсегда в алом отблеске парусов, созданных глубиной сердца, знающего, что такое любовь. (24)Поняли вы меня?

(25)Грэй оглянулся, посмотрев вверх; над ним молча рвались алые паруса; солнце в их швах сияло пурпурным дымом. (26)«Секрет» шёл в море, удаляясь от берега. (27)Не было никаких сомнений в звонкой душе Грэя — ни глухих ударов тревоги, ни шума мелких забот. (28)Спокойно, как парус, рвался он к восхитительной цели, полный тех мыслей, которые опережают слова.

(По А. Грину*)

** Александр Грин (1880—1932) — русский писатель-прозаик, поэт, создатель вымышленной страны, в которой происходит действие многих его произведений, в том числе самых известных романтических книг — «Бегущая по волнам» и «Алые паруса».*

Текст 6.9

(1)Жили-были три брата. (2)Как-то за вечерней беседой заговорили они о Мечте.

— (3)Нельзя человеку без Мечты, — говорил Старший. — (4)Мечта — это опора. (5)Она крылья даёт, она сил прибавляет, она помогает жить.

— (6)Мечта — это маяк, — отвечал Средний. — (7)С ней не заблудишься в жизни, она всегда путь укажет.

— (8)Не согласен, — горячился Старший. — (9)Мечта как вера. (10)Есть она у тебя — куда хочешь иди, всё будет в радость.

— (11)Как же идти, не видя пути? — (12)Средний был более рассудителен. — (13)Мечта, скорее, как надежда, ведь, если не имеешь цели, и вера бывает слепая!

— (14)А я думаю, — молвил Младший, опустив глаза, — что Мечта — это спасение. (15)Без Мечты засохнет Душа, как росток в пустыне.

— (16)Мечта должна быть высокой, — говорил Старший. — (17)Чем выше Мечта, тем больше сил идущему она придаёт. (18)Я, например, мечтаю сделать людей счастливыми. (19)Что может быть выше и радостнее?

— (20)Мечта должна быть достижимой, — возражал Средний. — (21)Говорят, чтобы жизнь прошла не напрасно, нужно построить дом, посадить дерево и вырастить сына. (22)Это и есть моя Мечта.

— (23)А я мечтаю о Совершенстве, — всё так же, не поднимая глаз, тихо произнёс Младший.

— (24)Я мечтаю быть мастером и помогать другим стать мастерами, потому что мастерство умирает, оставаясь в одном человеке.

(25)После недолгого молчания Средний сказал:

— (26)А что, братья, не пора ли нам отправиться навстречу своей Мечте?

— (27)Пора! — горячо ответили братья.

— (28)Тогда решено: завтра — в путь!

...(29)Долго шли братья по родной земле. (30)И остановились они однажды у развилки трёх дорог.

— (31)Не случаен этот знак свыше, — молвил Старший. — (32)Раз Мечта у каждого из нас своя, стало быть, суждено нам каждому своей дорогой идти. (33)Смеркается, однако. (34)Заночуем здесь, а до утра и подумаем, кому какой дорогой отправляться. (35)Проснувшись, братья долго молча сидели у догоревшего костра. (36)Каждый думал о своём, но все думали об одном и том же. (37)Сомнения терзали их души. (38)Обнялись братья на прощание и пошли каждый своим путём.

(39)Много лет прошло с тех пор. (40)И как разошлись тогда братья каждый своей дорогой, так больше и не встречались.

(41)Старший так и не понял, что никто не может сделать человека счастливым, кроме него самого. (42)Каждый человек — творец своего счастья, и, пока Старший это не осознает, он так и будет жить со своей неосуществлённой мечтой.

(43)А средний брат? (44)У него есть дом, сад, семья. (45)Разве его мечта не сбылась? (46)Но он загнал свою сокровенную Мечту в тесный и пыльный круг своего домашнего очага. (47)Когда-то давно его юношеское сердце откликнулось на древнюю мудрость, но холодный ум по-своему истолковал её смысл. (48)А ведь «построить дом» — значит обрести духовную опору, твёрдую жизненную позицию, неподвластную бурям и ураганам. (49)«Посадить дерево» — значит посеять в людях семена добра, бережно хранимые в твоём сердце, а «вырастить сына» означает передать свой опыт другим, подобно детям, тянущимся к твоему свету.

(50)И только Младший понял, что не мечта служит человеку, а человек — мечте. (51)Его Мечту можно назвать одним словом — Любовь. (52)Не к конкретному человеку, а Любовь к Совершенству, к Красоте, Любовь к людям. (53)Он стал Мастером и указал своим ученикам путь к счастью, чего не достиг старший брат, посеял семена и взрастил плоды, от чего уклонился средний, и прикоснулся к Совершенству, о чём сам мечтал когда-то. (54)Только он нашёл истинный путь.

(По В.А. Тузлукову*)

Текст 6.10

1)В этом доме постоянно останавливаются и дают свои представления все приезжающие в наш город фокусники и другие заезжие артисты. (2)Сегодня около подъезда висят плакаты: «Чудо-художник рисует ногами». (3)Конечно, я жалобно прошу:

— (4)Ма-а-ма...

(5)И конечно, мы поднимаемся по лестнице. (6)В большой комнате — это зал представлений — перед маленькими подмостками стоят в три ряда стулья. (7)Народу немного. (8)Раздаётся звонок. (9)Кто-то играет на пианино. (10)Публика рассаживается на стульях. (11)На подмостки, где стоит большой мольберт и стул, выходит человек с измятой физиономией, он громко прокашливается и начинает говорить:

— (12)Почтеннейшая публика, сейчас вы, без сомнения, увидите величайшее чудо, необъяснимую загадку природы, художника, лишившегося обеих рук. (13)Художник этот научился рисовать ногами, и вы сейчас убедитесь в этом сами.

(14)На подмостки выходит высокий, стройный человек с симпатичным лицом. (15)Оба рукава его пиджака совершенно пусты сверху донизу, и концы рукавов заложены в оба кармана. (16)Это и есть безрукий художник. (17)Он кланяется зрителям без улыбки, с достоинством. (18)Художник садится на стул перед мольбертом. (19)Человек с мятым лицом вставляет кусок угля в пальцы ноги художника. (20)И художник начинает рисовать ногой. (21)Сперва на мольберте появляется что-то вроде извилистой речки. (22)По обе стороны её возникают деревья. (23)Нет, это не речка, а дорожка в лесу. (24)Потом из-за деревьев появляется солнце. (25)Всё.

— (26)«Дорога уходит вдаль...», — объясняет художник, — это пейзаж.

(27)Потом он рисует ещё несколько карикатур. (28)Зрители смеются, хлопают. (29)Художник встаёт, нашаривает ногами туфли. (30)Помощник, показывая на рисунки, сделанные только что художником, предлагает желающим приобрести их. (31)Желающих не оказывается.

— (32)Недорого... (33)Купите! — предлагает помощник художника. (34)Художник стоит неподвижно. (35)Глаза его опущены. (36)Губы крепко сжаты.

— (37)А сколько? — вдруг взволнованно спрашиваю я.

(38)Мама очень решительно берёт меня за руку. (39)Помощник бросается к нам:

— (40)Дёшево...

(41)Я смотрю на маму умоляющими глазами.

— (42)Мамочка!..

(43)Мама платит тридцать копеек. (44)Художник подходит к краю подмостков, он говорит очень сердечно и просто:

— (45)Пусть маленькая барышня возьмёт рисунок «Дорога уходит вдаль...». (46)Когда я ещё был художником (а я был настоящим художником, прошу мне поверить!), это была моя любимая тема: «Все — вперёд, все — вдаль! Идешь — не падай, упал — встань, расшибся — не хнычь. Все — вперёд! Все — вдаль!..»

(47)Рисунок художника углем на бумаге «Дорога уходит вдаль...», заделав в стеклянную рамку, повесили в моей комнате. (48)В течение ряда лет, когда я открывала глаза, я видела дорогу среди деревьев, из-за которых вставало солнце, и вспоминала слова художника: «Упал — встань. Расшибся — не хнычь. Дорога уходит вдаль, дорога идёт вперёд!» (49)Это были мужественные слова мужественного человека. (50)Увечье не победило его — он победил своё увечье. (51)Он не растерялся, не пал духом, он не просил милостыню, как просят калеки, он работал как мог. (52)Художник сказал мне свои замечательные слова как напутствие, а я запомнила их на всю жизнь как завет воли к сопротивлению. (53)Ох, как пригодились мне в жизни эти слова!

(По А.Я. Бруштейн*)

* *Александра Яковлевна Бруштейн (1884 — 1968) — русская советская писательница и драматург.*

Текст 6.11

(1)Ночью на мокрые деревья упал снег, согнул ветви своей рыхлой сырой тяжестью, а потом его схватило морозцем, и снег теперь держался на ветках крепко, будто засахаренная вата.

(2)Прилетела синичка, попробовала расковырять намерзь, но снег был твёрд, и она озабоченно поглядела по сторонам, словно спрашивая: «Как же теперь быть?»

(3)Я отворил форточку, положил на обе перекладины двойных рам линейку, закрепил её кнопками и через каждый сантиметр расставил пшеничные зёрна. (4)Первое зёрнышко оказалось в саду, зёрнышко под номером тридцать — в моей комнате.

(5)Синичка всё видела, но долго не решалась слететь на окно. (6)Наконец она схватила первое зерно и унесла его на ветку. (7)Расклевав твёрдую скорлупку, она выщипала ядро.

(8)Всё обошлось благополучно. (9)Тогда синичка, улучив момент, подобрала зёрнышко номер два...(10)Я сидел за столом, работал и время от времени поглядывал на синичку. (11)А она, всё ещё робея и тревожно заглядывая в глубину форточки, сантиметр за сантиметром приближалась по линейке, на которой была отмерена её судьба.

— (12)Можно, я склюю ещё одно зёрнышко? (13)Одно-единственное?

(14)И синичка, пугаясь шума своих собственных крыльев, улетела с зерном на дерево.

— (15)Ну, пожалуйста, ещё одно. (16)Ладно?

(17)Наконец осталось последнее зерно. (18)Оно лежало на самом кончике линейки. (19)Зёрнышко казалось таким далёким, и идти за ним так боязно!

(20)Синичка, приседая и настораживая крылья, прокралась в самый конец линейки и оказалась в моей комнате. (21)С боязливым любопытством вглядывалась она в неведомый мир. (22)Её особенно поразили живые зелёные цветы и совсем летнее тепло, которое овевало озябшие лапки.

— (23)Ты здесь живёшь?

— (24)Да.

— (25)А почему здесь нет снега?

(26)Вместо ответа я повернул выключатель. (27)Под потолком ярко вспыхнула электрическая лампочка.

— (28)Где ты взял кусочек солнца? (29)А это что?

— (30)Это? (31)Книги.

— (32)Что такое книги?

— (33)Они научили зажигать это солнце, сажать эти цветы и те деревья, по которым ты прыгаешь, и многому другому. (34)И ещё научили насыпать тебе пшеничных зёрнышек.

— (35)Это очень хорошо. (36)А ты совсем не страшный. (37)Кто ты?

— (38)Я Человек.

— (39)Что такое Человек?

(40)Объяснить это маленькой глупой синичке было очень трудно.

— (41)Видишь нитку? (42)Она привязана к форточке.

(43)Синичка испуганно оглянулась.

— (44)Не бойся. (45)Я этого не сделаю. (46)Это и называется у нас — Человек.

— (47)А можно мне съесть это последнее зёрнышко?

— (48)Да, конечно! (49)Я хочу, чтобы ты прилетала ко мне каждый день. (50)Ты будешь навещать меня, а я буду работать. (51)Это помогает Человеку хорошо работать. (52)Согласна?

— (53)Согласна. (54)А что такое работать?

— (55)Видишь ли, это такая обязанность каждого человека. (56)Без неё нельзя. (57)Все люди должны что-нибудь делать. (58)Этим они помогают друг другу.

- (59)А чем ты помогаешь людям?
- (60)Я хочу написать книгу. (61)Такую книгу, чтобы каждый, кто прочитает её, положил бы на своём окне по тридцать пшеничных зёрен.
- (62)Но, кажется, синичка совсем не слушает меня. (63)Обхватив лапками семечко, она неторопливо расклёвывает его на кончике линейки.

(По Е.И. Носову*)

** Евгений Иванович Носов (1925 — 2002) — известный писатель, важнейшие темы его творчества — военная и деревенская.*

Текст 6.12

(1)Дедушка спал. (2)Руки у дедушки лежали на столе; они были большие, кожа на них стала как кора на дереве, и под кожей видны были толстые чёрные жилы, эти руки много земли испахали.

- (3)Дедушка Тит, а ты всё знаешь?
- (4)Всё, Афоня, я всё знаю.
- (5)Проснись, дедушка, скажи мне про всё!
- (6)Да уж проснулся уже, пойдём сейчас белый свет пытаться, — ответил дед.

(7)Старый Тит испил квасу, взял Афоню за руку, и они пошли из избы наружу. (8)Там солнце высоко стояло на небе и освещало зреющий хлеб на полях и цветы на дорожной меже. (9)Дед повёл Афоню полевою дорогой, и они вышли на пастбище, где рос сладкий клевер для коров, где колосились травы и цвели цветы. (10)Дед остановился у голубого цветка, терпеливо росшего корнем из мелкого чистого песка, показал на него Афоне, потом согнулся и осторожно потрогал тот цветок.

— (11)Это я сам знаю! — протяжно сказал Афоня. — (12)А мне нужно, что самое главное бывает, ты скажи мне про всё! (13)А этот цвет растёт, он не всё!

(14)Дедушка Тит задумался и осерчал на внука.

— (15)Тут самое главное тебе и есть!.. (16)Ты видишь: песок мёртвый лежит, он каменная крошка, и более нет ничего. (17)Камень не живёт и не дышит, он мёртвый прах. (18)Понял теперь?

- (19)Нет, дедушка Тит, — уверенно сказал Афоня, — тут понятного нету.
- (20)Ну, не понял, так чего же тебе надо, раз ты непонятливый?.

(21)А цветок жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мёртвого праха. (22)Стало быть, он мёртвую сыпучую землю обращает в живое тело и пахнет от него самого чистым духом. (23)Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот тебе и есть, откуда всё берётся. (24)Цветок этот — самый святой труженик, он из смерти работает жизнь...

- (25)А трава и рожь тоже главное делают? — спросил Афоня.
- (26)Одинаково, — сказал дедушка Тит.
- (27)А мы с тобой?

— (28)И мы с тобой, мы пахари, Афонюшка, мы хлебу расти помогаем. (29)А этот вот жёлтый цвет на лекарство идёт, его и в аптеке берут. (30)Ты бы нарвал их да снёс. (31)Отец-то твой ведь на войне; вдруг поранят его или он от болезни ослабнет, вот его и полечат лекарством.

(32)Афоня задумался среди трав и цветов. (33)Он сам, как цветок, тоже захотел теперь делать из смерти жизнь, он думал о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, жёлтые счастливые цветы, поднявшие к небу свои добрые лица и дышащие чистым духом в белый свет.

— (34)Теперь я сам знаю про всё! — сказал Афоня.

(35)Дед Тит ничего не сказал. (36)Он невидимо улыбнулся своему доброму внуку и пошёл спать в избу на печку.

(37)А маленький Афоня остался один в поле. (38)Он собрал жёлтых цветов, сколько мог их удержать в охапке, и отнёс в аптеку на лекарства, чтобы отец его не болел на войне от ран. (39)В аптеке Афоне дали за цветы железный гребешок. (40)Он принёс его деду и подарил ему: пусть теперь дедушка чешет себе бороду тем гребешком.

— (41)Спасибо тебе, Афонюшка, — сказал дед.

(42)Старик кротко улыбнулся, погладил головку внука и посмотрел на него как на цветок, растущий на земле.

(По А.П. Платонову*)

* *Андрей Платонович Платонов (1899 — 1951) — известный русский советский писатель, драматург, поэт, публицист и сценарист.*